

КАЙРОС

АНДРЕЙ БОРОДУЛИН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Бородулин

Кайрос

«Автор»

2026

Бородулин А.

Кайрос / А. Бородулин — «Автор», 2026

Он — оружие, которое не должно было выжить. Но он жив. У него нет имени, нет прошлого, нет права на существование. Когда единственный человек, подаривший ему тепло, исчезает, он начинает поиск. И каждый шаг приводит его всё ближе к истине: он не просто ошибка. Он — выбор. И этот выбор изменит всё.

© Бородулин А., 2026

© Автор, 2026

Андрей Бородулин

Кайрос

Кайрос

Глава 1. Мёртвый

Он открыл глаза.

Это было не пробуждение — скорее возвращение. Без сладости сна, без облегчения, без желания потянуться и снова закрыть веки. Просто — щёлк. И он уже смотрит в потолок.

Потолок был старым. Плитка, пожелтевшая по краям, с тёмными разводами от протечек. В одной плитке зияла дыра — ровная, будто её пробили специально, чтобы пропустить трубу. Трубы не было. Только дыра и темнота за ней.

Он лежал на спине. Холод пробирался сквозь тонкую простыню, которой было накрыто тело. Тело... он пошевелил пальцами. Сработало. Сжал кулак. Костяшки хрустнули. Звук показался чужим, будто доносился со стороны. В носу зашипало. Запах. Резкий, химический, с приторно-сладкой нотой чего-то разлагающегося. Формалин.

Мысли ворочались тяжело, как камни в холодной воде.

Где я?

Он повернул голову. Слева — металлическая стойка с капельницей. Пустая. Рядом — каталка, накрытая такой же простыней, но под ней угадывались очертания тела. Человек? Останки? Он не стал вглядываться.

Как я здесь оказался?

Память отзывалась неохотно, кусками, как разбитое зеркало.

...Выстрел. Звук громче, чем он ожидал. Короткий, сухой, без эха. Потом — темнота. И лицо. Лицо, которое смотрело на него с чем-то... с чем? Ненавистью? Страхом? Отвращением?

Лицо Хирурга.

Он убил меня.

Эта мысль не вызвала злости. Только странную, тянущую пустоту где-то в груди. Будто там, где должно быть сердце, теперь просто дыра.

Но я здесь. Я жив. Как?

Он сел. Простыня сползла, обнажив тело. На нём была только серая казённая рубаша — тонкая, короткая, с биркой на груди. Он посмотрел на свои руки. Бледные, но не мертво-бледные. Обычные. Пальцы дрожали. От холода? От страха? Он не знал.

Вокруг были тела. Много тел. Он сидел на секционном столе в морге. Обычное помещение — кафель на стенах, стоки в полу, ряды металлических ящиков вдоль стены. Часть из них была открыта, оттуда торчали чьи-то ноги с бирками на пальцах.

Что здесь произошло?

Он спустил ноги на пол. Босые ступни коснулись холодного кафеля, и по телу пробежала дрожь. Он встал, пошатнулся — мышцы слушались плохо, будто их долго не использовали. Схватился за край стола, переждал, пока перестанет кружиться голова.

В голове было пусто. Не в смысле — нет мыслей. В смысле — нет ничего. Ни страха, ни надежды, ни цели. Просто пустота. Как в том месте, откуда он только что вернулся.

Я должен уйти.

Мысль пришла ниоткуда и показалась единственно верной. Здесь нельзя оставаться. Это место — для мёртвых. А он... кто он теперь?

Он огляделся в поисках одежды. На соседнем столе, угадывались очертания человека в форме. Он подошёл.

Солдат. Молодой, лет двадцати, с пустым, успокоенным смертью лицом. Форма была целой, даже чистой — видимо, его привезли недавно. На груди — жетон, нашивка с фамилией. Он не стал читать.

— Прости, — сказал он вслух. Голос прозвучал хрипло, незнакомо, будто он не пользовался им очень давно.

Он раздел солдата быстро, стараясь не смотреть на лицо. Форма пришлась впору — странно, учитывая, что солдат был плотнее, но казённое обмундирование всегда шили с запасом. Берцы налезли идеально, будто ждали именно его ног.

Свою больничную рубаху он бросил на стол, и накрыл солдата простынёй.

— Прости, — повторил он и отвернулся.

Выход нашёлся сразу — тяжёлая металлическая дверь с круглым штурвалом посередине. Он повернул штурвал — механизм поддался неохотно, со скрипом, будто дверь не открывали годами. Но открылась.

Коридор встретил его гулом голосов и топотом ног. Где-то кричали, где-то гремело железо, где-то работала сирена — короткими, захлёбывающимися всхлипами.

Он вышел из морга и смешался с потоком.

Люди в форме бежали мимо, не обращая на него внимания. Кто-то тащил ящики, кто-то перекрикивался через плечо, кто-то просто стоял с растерянным видом, глядя на царящий вокруг хаос.

— Да твою ж мать, опять эти списки! — заорал кто-то слева. — Кого переводить, кого увольнять, я не успеваю!

— А эти? — отозвался второй. — Трупы из морга кто вывозить будет? Там же десяток неопознанных!

— Не мои проблемы! Пусть новые разбираются! Я уже почти уволен.

Тёмный шёл, опустив голову, стараясь не выделяться. Сердце колотилось ровно, без паники. Странно. Он должен бояться. Должен метаться. Но внутри была только та самая пустота.

Реорганизация. Увольнения. Перетряска. Слова цеплялись за сознание, складывались в картину. На базе что-то происходило. Кто-то уходил, кто-то приходил. В этом хаосе потеряться — проще простого.

Он шёл по коридору, сворачивал наугад, пока не увидел выход. Большие металлические ворота в торец здания были распахнуты настежь. Снаружи лился серый утренний свет.

Тёмный шагнул наружу.

Воздух ударил в лицо — холодный, сырой, пахнувший гарью и выхлопами. Он глубоко вдохнул, и лёгкие наполнились жизнью. Впервые за всё это время он почувствовал что-то, кроме пустоты. Облегчение? Свободу?

Он пошёл вдоль здания, держась поближе к стене, потом свернул за угол и оказался на плацу. Здесь тоже было людно — строились какие-то отряды, грузились машины, кто-то курил, прислонившись к стене, кто-то спорил, размахивая руками.

Никто не смотрел в его сторону.

Он шёл через этот хаос, как тень, и чувствовал себя невидимым. Хорошо. Так и должно быть.

У КПП образовалась пробка — несколько машин пытались выехать одновременно, водители орали друг на друга, охрана махала руками, пытаясь навести порядок. Тёмный проскользнул мимо, когда створка ворот на секунду приоткрылась, пропуская какой-то грузовик.

И вышел.

Просто вышел. На свободу.

Он отошёл метров на сто от базы, когда в кармане разгрузки что-то зашипело. Он сунул руку и вытащил маленькую рацию, затерявшаяся в складках формы.

— ...подтвердите приём... — трещало из динамика. — ...группа выдвинулась... потери... хирург...

Тёмный замер.

— Повторяю. Хирург погиб. При выполнении... связь... подтвердите...

Рация захрипела и замолчала.

Кайрос стоял посреди пустой дороги, сжимая рацию в руке, и смотрел на серое утреннее небо.

Хирург погиб.

Тот, кто его использовал. Тот, кто выстрелил ему в голову.

Мёртв.

Тёмный попытался понять, что он чувствует. Радость? Облегчение? Злорадство?

Ничего.

Только пустота. Та же самая, что была внутри с самого начала.

Он разжал пальцы. Рация упала на асфальт, разбилась, выбросив последнюю искру.

Тёмный пошёл дальше.

Впереди был город. Серый, утренний, чужой. И ни одной причины, чтобы туда идти.

Но идти больше было некуда.

Глава 2. Чужая жизнь

Он шёл по обочине, не разбирая дороги.

Ноги двигались сами, механически переставляя одна другую. Берцы ступали тяжело, оставляя в мокром асфальте отпечатки подошвы. Он смотрел на них какое-то время — следы, которые тянулись за ним, как верёвка, связывающая его с местом, которое он только что покинул.

Машины проносились мимо, обдавая его брызгами из придорожных луж. Водители не сигналили, не тормозили. Они просто не замечали его — фигуру, бредущую по краю трассы в никуда. Он был для них таким же, как столб или дерево. Часть пейзажа.

Куда я иду?

Он не знал. В голове не было ни адреса, ни направления, ни хотя бы смутного желания куда-то попасть. Только пустота и тихий шелест шин по асфальту.

Небо над головой было серым. Не утренним, не вечерним — просто серым. Без времени, без движения. Казалось, оно таким и было всегда, и таким останется навсегда.

Кто я теперь?

Вопрос повис в пустоте, не найдя ответа.

Он свернул с трассы, когда впереди показались первые дома. Частный сектор — небогатый, но ухоженный. Заборы, палисадники, собаки, лениво брешущие из-за калиток. Жизнь. Та самая, которую он никогда не знал.

Ноги привели его к тихой улочке, застроенной одноэтажными домиками. На одной из верёвок, протянутой между столбом и крыльцом, висела одежда. Простыни, полотенца, пара футболок, тёмные штаны, мешковатая кофта с капюшоном.

Он остановился. Посмотрел на свои руки — в чужой форме, с чужого солдата, с чужой кровью на рукавах? Он поднёс рукав к лицу. Нет. Кровь отстирали или её не было вообще. Просто серая, казённая ткань, пахнущая казённым мылом и чем-то ещё. Чем-то мёртвым.

Он огляделся. Улица была пуста. В домах за заборами не слышно голосов. Может, на работе. Может, спят. Может, просто не смотрят в его сторону.

Он сдёрнул штаны и кофту с верёвки одним движением. Ткань была влажной — постиранной, но не высохшей до конца. Холодные капли сорвались на землю, оставив тёмные пятна на асфальте. Он зашёл за угол дома, где его не было видно с улицы, и начал переодеваться.

Форма легла на землю, как сброшенная кожа. Он стоял босиком на холодном асфальте, натягивая чужие штаны, чужую кофту. Одежда пахла стиральным порошком и чем-то ещё — может, тем, кто её носил. Тёплым. Живым.

Берцы остались свои. Он зашнуровал их, чувствуя, как жёсткая кожа привычно обхватывает голень. Единственное, что напоминало о прошлом. О той жизни, которая кончилась выстрелом в голову.

Форму он запихнул в мусорный бак, стоящий у соседнего забора. Бросил, не оглядываясь.

Теперь я — никто.

Он пошёл дальше. Улица вывела его на окраину, к продуктовому магазину — маленькому, с выцветшей вывеской и прилавком, выходящим прямо на улицу. Продавщица — женщина лет пятидесяти с усталым, прокуренным лицом — раскладывала овощи в ящики.

Он остановился. Желудок напомнил о себе, ноющей болью.

— Эй, — окликнула она, не поднимая головы. — Чего встал? Проходи давай, не на пороге.

Он шагнул к прилавку. Взгляд скользнул по ящикам — помидоры, огурцы, яблоки. Одно яблоко лежало с краю, отдельно, чуть подгнившее с боку. Продавщица, видимо, отложила его для списания.

— Можно взять? — спросил он. Голос прозвучал хрипло, незнакомо. Будто он не говорил очень долго.

Женщина подняла голову. Посмотрела на него. Взгляд скользнул по лицу, задержался на глазах — слишком спокойных, слишком пустых, — потом опустился на одежду. Мешковатая кофта, чужие штаны, тяжёлые берцы. Одинокий парень на пустой улице. Она нахмурилась.

— Тебе сколько лет?

Он не знал. Его создали несколько недель назад? Месяцев? Он не помнил. Не считал.

— Неважно, — сказал он. — Я хочу есть.

Женщина посмотрела на яблоко, потом снова на него.

— Пятьдесят рублей.

У него не было денег. Ни копейки. Он стоял и смотрел на яблоко, чувствуя, как желудок снова сводит спазмом.

— Мне нечем заплатить.

— Тогда иди отсюда, — она махнула рукой, будто отгоняла муху. — Нечего тут шляться. Иди, иди.

Она не кричала. Не злилась. Просто... вычеркнула его. Как то яблоко на списание.

Он кивнул. Развернулся и пошёл.

Она права. У меня ничего нет.

Дорога увела его от магазина, от аккуратных домиков, от жизни. Он зашёл в переулок между двумя заборами и сел на землю, прислонившись спиной к шершавому бетону.

В переулке пахло сыростью и гнилью. Где-то рядом стоял мусорный бак — ржавый, с откинутой крышкой. Он сидел и смотрел на него, чувствуя, как голод становится тяжелее, плотнее, как он заполняет пустоту внутри.

Я же не человек. Зачем мне есть?

Он не знал. Так же, как не знал, зачем ему дышать, зачем ему сердце, зачем ему этот холод, который он чувствовал даже под чужой кофтой.

Крейд создавал меня как оружие. Оружие не ест.

Но он хотел есть. И это было самым странным — не то, что он воскрес, не то, что он идёт по чужому городу в чужой одежде, а то, что он чувствует голод. Настоящий, физический, животный голод. Будто его тело, созданное из тьмы и боли, вдруг решило, что ему нужно что-то ещё.

Он поднялся. Подошёл к баку. Заглянул внутрь.

Там были отходы. Картофельные очистки, смятые пакеты, пустые банки, что-то, что когда-то было едой, а теперь превратилось в серую, липкую массу. На самом дне — хлеб покрытый плесенью.

Он полез в бак.

Рука погрузилась в холодную слизь. Пальцы нащупали хлеб, сжались, вытащили. Он посмотрел на него. Плесень покрыла одну часть хлеба где он был оторванный, с другой же стороны было чисто.

Это мерзко.

Он откусил.

Мякоть была сухой, с привкусом грибка и ещё чего-то — пластика? моющего средства? Он жевал, чувствуя, как желудок принимает пищу, как спазм отпускает, как пустота внутри становится чуть меньше.

Это мерзко, — повторил он про себя. — Но это еда.

Он доел ту часть хлеба, остальное выбросил обратно в бак, вытер руку о штаны. Сел обратно у стены. Обхватить колени руками. Смотреть на противоположную стену.

Никто не знал, где он. Никто не искал. Никто не ждал.

И это было... странно. Не страшно. Не грустно. Просто — странно. Будто он наконец стал тем, кем всегда был. Тенью, которая не имеет права на тело. Ошибкой, которую никто не хотел признавать.

Хирург хотел меня уничтожить. И он был прав?

Он не знал. Но сейчас, сидя в переулке, в чужой одежде, с привкусом этого хлеба во рту, он почти готов был с ним согласиться.

Солнце поднялось выше, но не согрело. Лучи скользили по стенам, не задерживаясь на его лице, будто боялись. Тени росли, удлинялись, обнимали его, делали частью этого переулка, этой грязи, этого ничего.

Он сидел так долго. Час. Два. Пять.

В переулок заходили люди. Мужчина с собакой — пёс натянул поводок, зарычал, прижал уши. Хозяин дёрнул поводок, бросил в его сторону быстрый взгляд и ускорил шаг. Женщина с пакетами — остановилась, посмотрела, прижала пакеты к груди и пошла в обход. Подростки на велосипедах — свистнули, крикнули что-то, рассмеялись, уехали.

Никто не подошёл. Никто не спросил. Его сторонились, как бездомную собаку. И он не обижался. Он просто сидел и ждал. Чего? Он не знал.

Ночь пришла неожиданно. Тени сгустились, переулок погрузился в темноту, и только где-то далеко горели жёлтые окна чужих домов, чужих жизней.

Он поднял голову. Над ним, в разрыве между крышами, висело небо — чёрное, чистое, усыпанное звёздами. Они были далёкими, холодными, равнодушными. Он смотрел на них, и впервые за этот день в груди шевельнулось что-то, похожее на мысль.

Я здесь. Я жив. Зачем — не знаю. Но я здесь.

Он поднялся. Ноги затекли, тело не слушалось, но он заставил себя встать. Отряхнул штаны. Поправил капюшон.

Нужно идти. Куда — неважно. Просто идти. Потому что если он останется здесь, в этом переулке, то так и сгниёт заживо. А он уже был мёртв.

Он вышел на улицу и пошёл туда, куда вели ноги.

Город спал. Фонари горели тусклым, жёлтым светом, выхватывая из темноты силуэты деревьев, припаркованные машины, редких прохожих. Никто не обращал на него внимания. Никто не смотрел. Он был тенью среди теней.

К утру он оказался в центре. Дома стали выше, улицы шире, людей больше. Он шёл, опустив голову, втянувшись в капюшон, стараясь быть незаметным. Это было легко — быть незаметным, когда ты никто.

На одной из улиц он увидел кофейню. Маленькую, с вывеской, на которой было написано что-то про кофе и уют. Стеклянная дверь, деревянные столики внутри, и запах. Запах, который он не мог объяснить, но который заставил его остановиться.

Кофе. Горячий, сладкий, с молоком.

Он стоял напротив витрины и смотрел внутрь. Пусто. Ни одного посетителя. Только девушка за стойкой протирала чашки.

Он хотел войти. Но не знал зачем. У него не было денег. Ему нечего было сказать. Он просто стоял и смотрел, чувствуя, как внутри, в той самой пустоте, что-то начинает шевелиться.

Девушка подняла голову. Посмотрела на него через стекло. Он ждал, что она отвернётся, как все, прогонит взглядом, как продавщица у магазина. Но она не отвернулась. Она смотрела. И в её глазах не было ни страха, ни брезгливости. Только... любопытство? Жалость? Он не мог разобрать.

Он отступил от витрины и пошёл дальше.

Но запах остался. И ощущение, что на него смотрят. Не сквозь, не мимо — а именно на него. Впервые с того момента, как он открыл глаза в морге, кто-то его заметил.

Он шёл, чувствуя этот взгляд на своей спине, и не знал, что с этим делать. Хорошо это или плохо? Нужно ему это или нет?

Но что-то внутри, в самой глубине пустоты, шевельнулось ещё раз. И он понял — он вернётся. Не сейчас. Не завтра. Но он вернётся в эту кофейню. К этому запаху. К этим глазам, которые посмотрели на него, как на человека.

Потому что больше возвращаться было некуда.

Глава 3. Кофе с Любовью

На третье утро он вернулся.

Не потому что решил. Не потому что спланировал. Просто ноги привели его к той же улице, к той же витрине, к тому же запаху, который заставил остановиться в первый раз.

Светало. Город просыпался медленно, неохотно, как человек, которому не хочется вставать. Где-то вдалеке лаяла собака, хлопнула дверь подъезда, проехала машина. Обычные звуки обычного утра.

Он стоял напротив кофейни и смотрел на вывеску. "Кофе с Любовью". Просто. Без выдумок. Ему нравилось.

Внутри горел свет. Девушка — та самая, с любопытными глазами — раскладывала стулья, поправляла салфетки на столиках, включала музыку. Она двигалась легко, будто танец, будто каждое движение доставляло ей удовольствие. Или просто она не знала, что за стеклом за ней наблюдают.

Он стоял и смотрел. Не прятался, но и не приближался. Просто был. Часть улицы, часть утра, часть этого города, в котором у него не было ничего.

Девушка подошла к двери, повернула табличку с "Closed" на "Open". И замерла. Увидела его.

Он ждал, что сейчас будет так же, как в магазине. Взгляд скользнёт мимо, брезгливо дёрнется плечо, рука махнёт — "пошёл отсюда". Он уже знал этот жест. Он понимал.

Но она не махнула. Она открыла дверь и вышла на улицу.

— Ты чего стоишь? — спросила она. Голос был звонким, чуть хриловатым со сна, но не злым. — Заходи, если хочешь.

Он не сдвинулся с места.

— У меня нет денег, — сказал он. Голос снова прозвучал хрипло, будто он не пользовался им годами, хотя говорил всего несколько часов назад.

Девушка посмотрела на него странно. Не как на бездомного. Не как на угрозу. Как на загадку.

— Я не продаю, — сказала она. — Я угощаю.

Он молчал. Смотрел на неё. Она была маленькой — почти на голову ниже его. Тёмные волосы собраны в небрежный хвост, джинсы, белая футболка под форменным фартуком с логотипом кофейни. Простая. Обычная. И незнакомая.

— Зачем? — спросил он.

Она улыбнулась. Улыбка была не насмешливой, не жалостливой. Просто — тёплой.

— Потому что ты голодный. Я вижу. Заходи.

Она развернулась и ушла внутрь, не дожидаясь ответа. Дверь осталась открытой.

Он стоял ещё несколько секунд. Потом шагнул вперёд.

Внутри пахло кофе. Не тем растворимым порошком, который он нюхал в переулках за магазинами, а настоящим — густым, горьковатым, с оттенком корицы. Музыка звучала тихо, почти не слышно — какая-то медленная, с гитарой и женским голосом.

Кофейня была маленькой. Четыре столика, барная стойка, за ней кофемашина и витрина с пирожными. На стенах — фотографии города, старые, чёрно-белые. В углу — фикус в горшке, чуть привядший, но живой.

— Садись куда хочешь, — сказала девушка, уже стоя за стойкой. — Кофе чёрный? с молоком?

Он сел за ближайший столик, спиной к стене.

— Не знаю, — ответил он.

Она посмотрела на него поверх кофемашины. В её глазах снова мелькнуло то самое — любопытство.

— Никогда не пил кофе?

— Нет.

Это было правдой. Он не пил в той жизни — короткой, как вспышка — он был тем, кто исполняет чужие приказы. Там не было кофе. Не было утра. Не было тихой музыки.

— Тогда с молоком, — решила она. — Так вкуснее.

Она отвернулась к кофемашине, и он остался один. Смотрел на фикус в углу, на чёрно-белые фотографии, на пустые стулья. В кофейне не было никого, кроме них. Пандемия, наверное. Или просто утро.

Через минуту она поставила перед ним кружку. Белую, толстостенную, с отколотым краем. Рядом — тарелку с двумя блинчиками, свёрнутыми трубочкой.

— Ешь, — сказала она и села напротив. Свою кружку она тоже взяла с собой. — Я Катя. А тебя как зовут?

Он поднял на неё глаза. Вопрос был простым. Самым простым в мире. И самым сложным.

Как меня зовут?

У него не было имени. В той жизни он был "вторым". "Тёмным". "Копией". Инструментом. Оружием. Всё, что угодно, только не человек с именем.

— Артём, — сказал он.

Слово вышло само. Не то чтобы он выбрал — просто оно пришло первым. И осталось.

— Артём, — повторила Катя, пробуя имя на вкус. — Хорошее имя. Давно не ел?

Он не ответил. Пододвинул тарелку, взял блинчик. Тёплый, мягкий, с чем-то внутри. Надкусил. Сладко. Слишком сладко. Но он жевал, чувствуя, как пустота внутри уступает место чему-то другому. Не сытости. Теплу.

Катя смотрела, как он ест. Не отворачивалась, не делала вид, что занята. Просто сидела напротив, обхватив кружку обеими руками, и наблюдала.

— Ты не местный, — сказала она не спрашивая.

Он покачал головой.

— Откуда?

— Не знаю.

Это была правда. Он не знал, где его создали. Не знал, где находится та база. Не знал.

Катя не стала уточнять. Она отпила кофе и сказала:

— А я здесь родилась. В этом районе. Детский сад, школа, потом техникум. Всё как у людей.

Он слушал. Ему нравилось, как она говорит — легко, без пауз, будто рассказывает старую, давно знакомую историю.

— Кофейня тёткина, — продолжала она. — Она уехала в другой город, оставила меня за главную. А тут — изоляции, толи вирус какой ходит. Люди сидят по домам, никто не ходит. Только иногда забегают, кофе с собой берут. Или вот, — она усмехнулась, — голодные бродяги заходят.

Он отставил пустую тарелку. Поднял кружку. Кофе был тёплым, сладким, с молоком. Он пил медленно, чувствуя, как тепло растекается по горлу, по груди, по пустоте внутри.

— Спасибо, — сказал он.

— Не за что, — она взяла пустую тарелку, встала. — Приходи завтра. Я ещё угощу.

Он хотел сказать, что не может. Что он не знает, где будет завтра. Что он не имеет права сидеть в чистой кофейне, есть её блинчики, пить её кофе.

— Приду, — сказал он вместо этого.

Катя улыбнулась. Поставила тарелку в мойку, вернулась к столу, села. Снова обхватила кружку руками.

— А ты чего такой грустный, Артём?

Он не знал, что ответить. Он не чувствовал грусти. Он вообще не знал, что чувствует. Внутри была пустота, а теперь ещё и это — странное, тянущее ощущение, которое он не умел назвать.

— У меня никого нет, — сказал он. Слова вышли сами, без спроса.

Катя не отвела взгляд. Не сказала "не ной", не сделала вид, что не слышит. Она просто смотрела на него, и в её глазах не было жалости. Только то самое — что-то тёплое, живое.

— Теперь есть, — сказала она.

Он замер.

— Я, — она ткнула пальцем себе в грудь. — Катя. Твой друг. Если ты не против, конечно.

Он не знал, что такое друг. В той жизни — короткой, как выстрел — у него не было друзей. Были те, кто создавал, те, кто приказывал, и тот, кто убил.

— Хорошо, — сказал он.

Катя улыбнулась шире.

— Тогда завтра в это же время. Не опаздывай, — она поднялась, собрала кружки. — А то у меня без тебя посетителей всё равно нет, буду скучать.

Он тоже встал. Не знал, что сказать. Не знал, как прощаются. В той жизни не было прощаний.

— Спасибо, — повторил он. Это было единственное слово, которое он знал точно.

— Не за что, Артём. Иди уже, — она махнула рукой, но без раздражения. Скорее — с теплом. — Завтра жду.

Он кивнул и вышел.

На улице было светлее, чем когда он заходил. Солнце поднялось выше, разогнало тени, зажгло блики на мокром асфальте. Он стоял на пороге, чувствуя, как ветер шевелит волосы.

— Артём! — окликнула его Катя из двери.

Он обернулся.

— Во сколько завтра?

Он задумался. Время. Он не знал времени. В переулках оно текло иначе, без часов, без расписания. Просто — темно, светло, темно.

— Я не знаю, у меня нет часов. — признался он.

Катя посмотрела на него с удивлением, потом понимающе кивнула.

— Ладно, тогда я тебя жду. Приходи, когда сможешь. Я буду здесь.

Она улыбнулась и скрылась за дверью.

Он стоял ещё минуту, потом пошёл прочь. Не оглядываясь. Но знал, что вернётся. Завтра. И послезавтра. И каждый день, пока она будет открывать дверь и звать его внутрь.

Потому что впервые за всё время он был кому-то нужен. Не как оружие. Не как инструмент. А просто так. Как человек.

Или, по крайней мере, ему так казалось.

Глава 4. Память

Он пришёл на следующий день к открытию.

На этот раз он знал, когда это — рассвет, первые лучи за окнами спящих домов, женщина с собакой на поводке, которая каждое утро проходила мимо кофейни ровно в то время, когда Катя вывешивала табличку "Орел". Он ждал за углом, наблюдая за этой маленькой городской хронологией, и чувствовал, как внутри укладывается новое знание.

Рассвет. Потом собака. Потом Катя.

Она вышла на порог с ключами в руках, увидела его и улыбнулась. Не удивилась, не спросила, как долго ждал. Просто:

— Заходи. Сегодня буду печь сырники. Хочешь?

Он кивнул. Зашёл следом, сел за тот же столик, спиной к стене. Катя гремела посудой за стойкой, напевала что-то под нос, иногда поглядывала на него через плечо. Он смотрел на

её руки — ловкие, быстрые, привыкшие к этой работе. Она ставила чашки, открывала банки, взбивала тесто, и всё это было частью какого-то другого мира, мира, в котором он не существовал.

— Слушай, Артём, — сказала Катя, ставя перед ним кружку с кофе. — А ты вообще где ночуешь?

Он взял кружку, подул на пар. Вопрос был простым. Ответа у него не было.

— В переулках, — сказал он. — Там, где есть стена и крыша над головой.

Катя помолчала. Поставила перед ним тарелку с сырниками, села напротив. Не ела, не пила. Просто смотрела.

— Ты не похож на бездомного, — сказала она. — У тебя руки чистые. Ты не просишь милостыню. И ты... — она запнулась, подбирая слово, — ты не разваливаешься.

Он поднял на неё глаза. Не разваливаюсь. Интересное слово.

— Я просто не знаю, куда идти, — сказал он. — И не знаю, зачем.

Катя не отвела взгляд. В её глазах не было жалости, не было страха. Только тихое, тяжёлое понимание.

— А раньше? — спросила она. — До того, как ты оказался в переулках? У тебя была семья? Друзья?

Он замер. Семья. Друзья. Слова, которые не имели для него смысла. Но в голове всплыло другое слово. Другое лицо.

— Был один человек, — сказал он медленно, пробуя слова на вкус, проверяя, не обожгут ли они язык. — Я думал, что он... что мы можем быть вместе. Что я ему нужен. Не как инструмент, а просто. По-человечески.

Катя молчала. Слушала. Кофе остывал в её кружке.

— Он появился внезапно, — продолжал он, глядя в стену за её спиной. — Как будто всегда был рядом, хотя я его не знал. И мне показалось... мне показалось, что я наконец нашёл того, на кого можно положиться. Того, кто не бросит.

Он замолчал. Внутри поднималось что-то тёмное, тяжёлое, то, что он не умел называть. Боль? Ярость? Пустота, в которую снова вползал холод?

— Что случилось? — тихо спросила Катя.

— Он предал меня, — сказал он.

Слова вышли сухими, ровными, без интонации. Он говорил о Хирурге. О том, кто выстрелил ему в голову. Но Кате не нужно было знать про выстрелы, про морг, про то, что он умер и воскрес.

— Мы оказались по разные стороны, — сказал он, перекраивая правду в то, что она могла принять. Катя смотрела на него долго. Потом протянула руку через стол, положила ладонь на его сжатые пальцы.

— Прости, — сказала она.

Он посмотрел на её руку. Маленькая, тёплая, живая. Она лежала на его кулаке, не пытаясь разжать, не требуя ответа. Просто была здесь.

— За что? — спросил он.

— Не знаю, — она чуть улыбнулась. — За то, что ты это пережил. За то, что ты один. За то, что тот человек оказался дураком.

— Он не дурак, — сказал он. Это было важно. Даже сейчас, даже после выстрела. Хирург не был дураком. Он был... братом. Который его не принял.

— Тогда он слепой, — твёрдо сказала Катя. — Потому что ты... — она запнулась, подбирая слово, — ты хороший. Я чувствую.

Он поднял на неё глаза. Хороший. Он, который был создан из тьмы, который убивал, который должен был стать оружием в чужих руках. Хороший.

— Ты меня не знаешь, — сказал он.

— Знаю, — она не убрала руку. — Ты сидишь в моей кофейне второе утро подряд, не просишь ничего, не пытаешься меня обмануть, не смотришь на меня, как на кусок мяса. Ты молчишь, когда тебе больно. И ты пришёл, хотя мог не приходить. — Она помолчала. — Этого достаточно, чтобы понять, что ты хороший.

Он не знал, что ответить. Внутри не было слов. Только это странное, новое, пугающее ощущение — кто-то видел его. Не инструмент, не копию, не ошибку. Его. Артёма, которого он сам придумал.

— Я просто хотел, чтобы у меня был кто-то, — сказал он тихо. — Не для того, чтобы использовать. Просто... чтобы был. Чтобы можно было положиться. Чтобы не быть одному.

Катя кивнула. Сжала его пальцы чуть сильнее.

— Я понимаю, — сказала она. — У меня тоже никого нет. Тётка в другом городе, родители давно разъехались, подружки после колледжа растерялись. Иногда я прихожу сюда, открываю дверь, и понимаю, что весь день могу ни слова не сказать, если кто-нибудь не зайдёт кофе попить. — Она усмехнулась, но грустно. — И знаешь, это страшно. Когда ты есть, а тебя как будто нет.

Он смотрел на неё, и впервые за всё время пустота внутри перестала быть пустотой. Она наполнялась. Чем-то тёплым, тяжёлым, живым.

— У тебя есть я, — сказал он.

Слова вышли сами. Он не планировал их, не выбирал. Они просто пришли, когда он смотрел на её сжатые губы и опущенные плечи.

Катя подняла голову. Посмотрела на него. Улыбнулась. Не той улыбкой, которой улыбаются незнакомцам, а другой — настоящей, открытой, чуть дрожащей.

— Есть, — сказала она. — Теперь есть.

Они сидели так несколько секунд. Или минут. Он не знал. Время снова потеряло смысл.

Потом Катя убрала руку, встала, подошла к стойке. Вернулась с чем-то маленьким, блестящим в ладони.

— Держи, — сказала она, протягивая ему часы. Мужские, с кожаным ремешком, циферблат чуть поцарапан. — Вчера ты не знал, во сколько приходить. Я подумала... ну, может, пригодятся.

Он взял часы. Ремешок был тёплым от её пальцев. Он повертел их в руках, рассматривая стрелки.

— Клиент забыл, — пояснила Катя. — Полгода лежали в подсобке. Не пришёл. Если нужны — носи. Если нет — выброси.

Он надел часы на запястье. Застегнул пряжку. Кожа легла на руку плотно, тяжело, будто всегда здесь была.

— Нужны, — сказал он.

Катя улыбнулась.

— Тогда завтра в девять, — она кивнула на циферблат. — Не опаздывай. Сырники буду печь.

Он посмотрел на стрелки. Девять. У него теперь было время.

Он поднялся, поправил ремешок, чувствуя, как кожа притирается к запястью.

— Катя, — сказал он, уже у двери.

Она обернулась.

— Спасибо.

Она махнула рукой.

— Иди уже. Завтра приходи.

Он вышел на улицу. Солнце стояло высоко, разгоняя тени, зажигая блики на мокром асфальте. Он поднял руку, посмотрел на часы. Стрелки шли. Каждая секунда оставляла след, становилась прошлым, которого у него не было.

Теперь есть, — подумал он. И понял, что это не только про часы.

Он пошёл прочь, не оглядываясь. Но знал, что вернётся. Завтра. В девять.

Глава 5. Ограбление

Он приходил каждый день.

Сначала — к открытию, когда Катя вывешивала табличку и город только просыпался. Потом — чуть позже, когда в кофейню забегали первые посетители, брали кофе с собой и снова исчезали. Он сидел за своим столиком, спиной к стене, пил кофе с молоком, ел сырники или блинчики и слушал, как Катя рассказывает о себе.

Она говорила много. О тётке, которая уехала в Сочи и теперь присылала открытки с пальмами. О колледже, где она училась на бухгалтера, но так и не пошла работать. О подружках, которые после учёбы разъехались кто куда, а теперь вспоминали о ней только в день рождения. О собаке, которая жила у неё в детстве и которую сбила машина, когда Кате было десять.

Он слушал. Ему нравился её голос — живой, немного насмешливый, иногда грустный. Ему нравилось, как она двигалась — быстро, легко, будто танец. Ему нравилось, что она не задавала лишних вопросов. Не спрашивала, где он был вчера. Не спрашивала, почему у него нет документов. Не спрашивала, почему он никогда не смеётся.

Она просто была рядом. И этого было достаточно.

На пятый день она сказала:

— Ты бы помылся, Артём. У меня в подсобке душ есть. Тёткин, но она всё равно не приедет. Вода горячая, полотенце найду.

Он хотел сказать, что ему не нужно мыться. Что его тело не потеет, не пахнет. Что он вообще не человек в том смысле, в котором она думает.

Но он посмотрел на её лицо — заботливое, чуть виноватое, будто она предлагала что-то неприличное — и кивнул.

— Хорошо.

Он мылся долго. Стоял под горячей водой, смотрел, как она стекает по рукам, по груди, по шрамам, которых у него не было. Тело под струями казалось чужим — слишком бледным, слишком гладким, слишком... пустым. Без следов, без истории. Как чистый лист, на котором ничего не написано.

Кем я был? — думал он, глядя на капли, срывающиеся с пальцев. — И кем я стал?

Вода остыла. Он выключил кран, вытерся чужим полотенцем, надел ту же одежду — другой у него не было. Вышел в зал. Катя сидела за стойкой, читала что-то в телефоне, подняла голову, улыбнулась.

— Другой человек, — сказала она.

Он провёл рукой по влажным волосам. Он никогда не смотрел в зеркало, и странно, смотреть на отражение будучи отражением другого человека.

— Спасибо, — сказал он. Это слово стало его главным.

— Не за что, — она махнула рукой. — Садись, я кофе сварю.

На шестой день он заметил, что в кофейню стали заходить другие.

Мужчина в деловом костюме — взял американо, кивнул Кате, покосился на него и быстро вышел. Девушка с коляской — заказала капучино, посадила ребёнка на свободный стул, искоса поглядывала на его фигуру в мешковатой кофте. Старушка с авоськой — долго выбирала пирожное, пересчитывала мелочь, спросила у Кати: "Это кто у тебя? Не жених?" Катя засмеялась, что-то ответила тихо, и старушка ушла, довольно улыбаясь.

Он не мешал. Сидел тихо, пил кофе, ждал. Иногда ловил на себе взгляды — любопытные, настроенные, осуждающие. Ему было всё равно. Он был здесь не для них.

На восьмой день Катя сказала:

— Артём, ты бы хоть иногда улыбался. Люди думают, ты меня запугиваешь.

Он посмотрел на неё. Попытался улыбнуться. Получилось криво, неестественно, будто он не умел этого делать.

— Ой, — сказала Катя. — Не надо.

Он кивнул и отвернулся к окну.

В кофейню зашёл мужчина в капюшоне. Он вошёл быстро, толкнув дверь плечом, и сразу направился к стойке. Катя подняла голову, улыбнулась привычной улыбкой:

— Доброе утро! Что будете?

Мужчина не ответил. Он стоял, опустив голову, и его плечи странно подрагивали.

— Что-то случилось? — спросила Катя, голос чуть дрогнул.

Он повернулся к ним. Посмотрел на мужчину. Что-то было не так. Поза. Слишком напряжённая. Руки в карманах. Капюшон низко надвинут, лица не видно.

— Слышь, — сказал мужчина, и голос у него был хриплый, срывающийся, — давай деньги. Быстро. И не кричи.

Катя замерла. Её лицо побелело.

Мужчина вытащил руку из кармана. В ней был пистолет. Небольшой, чёрный. Он направил его на Катю.

— Не бойся, — сказал он. — Не убью, если не будешь дёргаться. Давай вырубку.

Катя смотрела на ствол. Её руки на стойке дрожали. Она открыла рот, чтобы что-то сказать, но не смогла.

Он встал.

Мужчина повернулся к нему резко, пистолет дёрнулся, перелетев с Кати на него.

— Сидеть, — рявкнул мужчина. — Не твоё дело.

Он не сел. Он смотрел на ствол. На пальцы, сжимающие рукоять. На дрожащий кончик глушителя. Пистолет был старый.

Страх, — подумал он. — Он боится. Трясутся руки. Может выстрелить случайно.

Он сделал шаг вперёд.

— Стоять! — закричал мужчина, отступая. Пистолет ходил ходуном. — Я стреляю!

Он не остановился.

Всё произошло быстро. Он шагнул, перехватил руку с пистолетом, вывернул, нажал на запястье. Хрустнуло. Мужчина закричал, пистолет упал на пол, покатился под столик. Он толкнул грабителя в спину — не сильно, но тот потерял равновесие, рухнул навзничь, ударился лбом о плитку. Плитка треснула. Мужчина затих.

Он поднял пистолет. Посмотрел на него. Потом на Катю.

Она стояла за стойкой, вцепившись в край, и смотрела на него расширенными глазами. Лицо белое, губы дрожат. Она не плакала. Просто смотрела.

— Ты... — прошептала она. — Ты...

Он бросил пистолет на пол. Подошёл к ней.

— Катя, — сказал он. — Всё кончено. Он не тронет тебя.

Она посмотрела на грабителя, который лежал неподвижно, потом снова на него.

— Ты сломал ему руку, — сказала она. Голос ровный, чужой. — И плитку. Тёткину плитку. Она её в прошлом году...

— Я вызову полицию, — сказал он.

Она кивнула. Он отошёл к стойке, нашёл телефон, набрал 112. Голос был спокойным, ровным, он назвал адрес, сказал, что нападение, что грабитель обезврежен. Потом повесил трубку.

Катя всё ещё стояла, вцепившись в край стойки.

— Катя, — позвал он.

Она подняла на него глаза. В них были слёзы. И страх. Не перед грабителем. Перед ним.

— Кто ты? — спросила она тихо. — Артём... кто ты?

Он не знал, что ответить. Он смотрел на неё и видел — стена, которую они строили восемь дней, дала трещину. Он мог сказать правду. Или мог солгать. Но ни то, ни другое не вернуло бы ту Катю, которая улыбалась ему утром.

— Я просто человек, который не даст тебя в обиду, — сказал он.

Катя смотрела на него долго. Потом перевела взгляд на грабителя. На треснувшую плитку. На пистолет, валяющийся под столиком.

— Полиция будет минут через десять, — сказала она. — Тебе нужно уйти.

Он покачал головой.

— Нет. Я останусь.

— Артём, — она шагнула к нему, взяла за руку. — У тебя нет документов. Они начнут спрашивать, кто ты, откуда, почему здесь. — Она посмотрела ему в глаза. — Я не хочу, чтобы тебя забрали. Уходи. Пожалуйста.

Он чувствовал её пальцы на своей руке — тёплые, дрожащие. Смотрел в её глаза — испуганные, но твёрдые.

— Я вернусь, — сказал он.

Она кивнула. Вытерла слёзы рукавом.

— Я знаю. Иди.

Он вышел через чёрный ход, в переулок. Обогнул квартал, вышел на соседнюю улицу, смешался с редкими прохожими. Отошёл на безопасное расстояние, остановился, прислонился к стене дома.

Сердце билось ровно. Руки не дрожали. Он смотрел на часы, на секундную стрелку, которая бежала по кругу, и думал о том, что сделал. Не о грабителе. Не о полиции.

Я испугал её, — понял он. — Я сделал то, что должен был, и испугал её.

Он поднял голову. Небо было серым, низким, будто нависало над городом, над ним, над этой маленькой кофейней, где он впервые почувствовал себя живым.

Я вернусь, — повторил он про себя. — Я всё объясню. Я не дам ей бояться меня.

Но в груди, там, где должна быть пустота, теперь поселилось что-то тяжёлое. Что-то, что он не умел называть.

Страх. Страх, что она не откроет дверь. Что завтрашнего утра не будет. Что он снова останется один в этом городе, в этой чужой жизни, в которой у него нет ничего, кроме имени и часов на запястье.

Он ждал. Смотрел, как к кофейне подъезжают полицейские машины. Как из них выходят люди в форме. Как они заходят внутрь. Как долго не выходят. Как потом выводят грабителя — тот шёл, пошатываясь, прижимая сломанную руку к груди. Как Катя вышла на порог, говорила что-то полицейским, кивала, улыбалась той улыбкой, которую он уже знал — вежливой, чужой.

Потом полиция уехала. Кофейня опустела. Катя заперла дверь и опустила жалюзи.

Он ждал до вечера. До темноты. Пока в окнах не погас свет. Потом развернулся и пошёл в переулок, где провёл свою очередную ночь в этом городе.

Он не знал, откроет ли она завтра. Не знал, захочет ли его видеть. Но знал одно — он будет ждать. Столько, сколько нужно. Потому что теперь у него было то, ради чего ждать.

Глава 6. Лазарь

Артём сидел на ступеньках кофейни.

Который день. Дверь была закрыта, жалюзи опущены, за стеклом — темнота и тишина.

Он приходил с рассветом и уходил за полночь. Сидел, смотрел на вывеску, слушал, как город просыпается и засыпает вокруг него. Люди привыкли. Перестали оглядываться. Только старушка с авоськой иногда вздыхала и качала головой, проходя мимо.

Он не знал, что делать. Не знал, где её искать. Не знал, хочет ли она, чтобы её искали. Внутри всё сжалось в тугую, холодный комок, который не отпускал ни на минуту.

Ближе к полудню он услышал шаги. Не её — чужие, тяжёлые, мужские. Поднял голову.

К двери кофейни подошёл парень. Худой, бледный, в мешковатой чёрной одежде. Волосы растрёпанные, падают на лицо. На правом глазу — повязка. Парень достал ключи, вставил в замок, повернул. Дверь открылась, и он вошёл внутрь.

Артём вскочил. Рванул вперёд, не думая. Влетел внутрь, схватил парня за грудки, прижал к стойки. Тот охнул, выронил ключи, замер.

— Пожалуйста, не убивайте, — выдохнул парень. — У нас нет денег, мы не работали несколько дней.

Артём замер. Взгляд скользнул по лицу парня — испуганные глаза, дрожащие губы, повязка. Не похож на грабителя. Не похож на того, кто врывается с пистолетом.

— Кто ты? — спросил Артём, не отпуская.

— Лазарь. Я Лазарь. Я работаю тут... — парень сглотнул. — Вы не грабитель?

— Нет.

— А чего тогда хватаете?

Артём разжал пальцы. Лазарь отлепился от стойки, поправил воротник, тяжело выдохнул.

— Где Катя? — спросил Артём.

Лазарь пожал плечами, почесал затылок.

— Я не знаю. Она просто уехала и не отвечает ни мне, ни руководителю. Я сменщик, был на больничном, хотя и сейчас тоже на больничном, просто пришёл...

— Мне плевать, — перебил Артём. — Где она живёт?

Лазарь замялся. Отвёл взгляд, почесал переносицу под повязкой.

— Я не могу давать всем подряд адреса своих коллег, прости.

Артём шагнул ближе. Лазарь попятился, упёрся спиной в кофемашину.

— Ты не понял, — сказал Артём тихо. — От твоих действий зависит, придёшь ты домой сегодня на своих двоих или на красном кресте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.